

В соответствии с критерием исторической продолжительности, массовости восприятия и проявления, некрофилия есть утрамбованная в индивидуальное и коллективное бессознательное архетипичная, априорная инварианта человеческой психики. Некрофилия – не всегда осознаваемый фон, «замес» любой религиозности и многих форм повседневной жизни.

Литература:

1. См.: Романов А.В. Вера и религиозность. – Издательство Урал. гос. пед. ун-та. – Екатеринбург, 2004;

Романов А.В. Парадигма религиосинтеза // Психологические проблемы развития и существования человека в современном мире: Сборник научн. трудов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – С. 89–111.

2. См.: Барт К. Послание к Римлянам. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – С. 132, 133.
3. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. – М.: Высшая школа, 1992. – С. 18.
4. Горный Е. Некрофилия как структура сознания // (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://www.netslova.ru/gorny/necro.html>.
5. Горный Е. Указ. соч.
6. Фромм Э. Указ. соч. – С. 16, 20.

Русакова О.Ф., Русаков В.М.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ДИСКУРСА ВОЗМОЖНЫХ МОДЕЛЕЙ КАРТИН МИРА

(Доклад подготовлен при поддержке Уральского отделения РАН в рамках конкурсных программ фундаментальных научных исследований, проект № 12-И-6-2066)

**Русакова
Ольга Фредовна**

доктор политических наук, профессор, заведующая
отделом философии Института философии и права
УрО РАН, президент МАДИ

**Русаков
Василий Матвеевич**

доктор философских наук, профессор,
Институт международных связей

Вопрос о возможных/невозможных моделях картин мира имеет не только эпистемологическое значение (проблема конструирующей способности сознания и мышления), но и вполне прагматическое измерение: когда «внезапно» рушится одна картина мира и на ее место водружается прямо противоположная – общество испытывает социальную травму. Так, до начала II-й Мировой войны не только немцы считали невозможным фундаментальное перерождение всех мировоззренческих и смысложизненных ориентаций в картине мира (жившей в общественном сознании) подавляющего большинства населения Германии, сделавшее возможным совершение массовых преступлений против человечества и человечности. Процесс «денацификации» немецкого

общества растянулся на десятилетия и стал крайне болезненным. В настоящее время Россия переживает аналогичный период тотальной деструкции прежней просветительской, сциентистско-рационалистической и гуманистически-утопической картины мира: под давлением государственного прессы клерикализма, насаждения иррационализма в массовом сознании и сервильности в поведении людей производится построение картины мира, еще совсем недавно казавшейся в принципе невозможной. Страна и общество решительно подталкиваются к национальной катастрофе.

Речь идет о процессах не только в массовом сознании. С разрастанием потребительского общества «коррозии» подвергается научная картина мира или ее существенные

фрагменты – в оборот властно запускаются всевозможные псевдонаучные картины «конца истории», «однополярного мира», «глобального потепления», «глобального похолодания» и т. п.

Более того, на волне постмодернистского нивелирования всех дискурсов, эпистемологического анархизма («все дискурсы равноправны») производится систематическое внедрение идеи о том, что не только любая модель картины мира имеет право на существование («это моя точка зрения, имею право»), но дискредитируются любые попытки сравнения их и тем более – выяснения их состоятельности/несостоятельности. Например, под соусом тезиса о том, что любые моральные, политические, ценностно-мировоззренческие принципы и нормы имеют чисто конвенциональный, игровой характер.

Различные картины мира – общенаучная, частнонаучные, ненаучные, антинаучные, – «живут» в системах так называемых антропологических практик или «практик себя» (М. Фуко), т. е. способов собственно «человеческого» существования: что в данном обществе индивида делает «человеком»? Для нас здесь важно то, что антропологические практики, приобрели столь бесчеловечный характер (тотальное отчуждение, наркотизация, всевозможные формы «эскапизма», иррационализация общественного сознания), что впору говорить о «деантропологизации» человека и общества. Возникает вопрос: способно ли общество сегодня достаточно ясно сформулировать, что оно понимает под человеком и «человечностью»? А в этом сегодня самым прямым и непосредственным образом нуждаются такие сферы, как образование (кто получится в итоге образования?) и воспитание, медицина (что или кого лечим?), юриспруденция и экономика, наука и политика. Каков будет человек, и в чем будет заключаться человечность в новом тысячелетии – сегодня конструируется широкий спектр картин мира и места в ней человека и всевозможных сценариев его ближайшей судьбы («Homo loudens», «киборг», человек потребляющий и т. п.).

Не случайно, в современной философско-антропологической литературе возникла тема «антропологической катастрофы». А. Азимов

в своей работе «Выбор катастроф» (Москва, 2003) проницательно заметил, что термин «катастрофа» хорошо выражает суть сложившейся ситуации, поскольку означает крутой поворот, вначале которого не просматривается его конечная часть. Другими словами, человечество вступает в такой период своего изменения и развития, результаты которого сегодня пока что не поддаются никакому прогнозу: одно ясно, что такими способами, какими оно существовало до сих пор («практиковало себя»), далее оно существовать не сможет, а отказаться от них оно не в состоянии. В некотором смысле это можно охарактеризовать как «точку бифуркации».

Добавим, что нынешние условия тем радикально отличаются от прошлых эпох, что новые антропологические практики, в которых формируется «новый человек», не вызревают стихийно в течение длительного исторического перехода, а сознательно разрабатываются, массированно и агрессивно навязываются в качестве «побочных», прикладных аспектов таких социальных «технологий», как безудержная нажива и обогащение любой ценой (торговля оружием, порнография, наркоторговля, работоторговля и торговля органами), обеспечение безоговорочного монопольного (привилегированного) положения в мире, экономике, политике – любыми средствами, клерикализм, терроризм и экстремизм, наркотрафик.

Характерной особенностью нынешнего конструирования различных картин мироздания и места в нем человека является введение в него альтернативности и вариативности – как одного из основополагающих принципов. Другой особенностью является разрастающаяся виртуализация реальности. Картина мира наполняется широким спектром симулятивных практик, внешне предлагающих каждому индивиду «делать себя» как угодно произвольно, не привязываясь ни к биологической, ни к социальной «телесности», ни к каким-либо фундаментальным ценностям (реализующимся в социальных институтах). Любая прежняя «константа» человека и человечности может быть произвольно диверсифицирована или плюрализована: пол, возраст, брак и семья, облик

(лицо), деторождение и т. д. Пол оказывается куда более вариативен, чем гендер. Возраст достаточно произвольно модифицируется, теряя «привязку» к количеству прожитых лет и социальным функциям (инфантилизация, тотальное тинэйджерство, технологии «ювенилизации»). Однополые браки и суррогатное материнство, экстракорпоральное оплодотворение кардинально меняют фундаментальные «устои» того, что мы связываем с человеком, человечностью и ее нормой. Пластическая хирургия, современная гормонально-стероидная диетология и трансплантология в скором времени покажутся детскими забавами в свете перспектив агрессивной генной инженерии, технологии стволовых клеток и фармакологического «парадайзинжиниринга».

В таких условиях интенсивно размывается ценностно-смысловое ядро традиционно почитавшегося ясным концепта «человек»: на практике все труднее оказывается прийти к консенсусу по вопросу о том, что считать признаком человека и человечности, поскольку то, что считается нормой и идеалом для одних (правоверный, моджахед и шахид, гей и транс-сексуал), то для других означает зоологический трайбализм и преступный фанатизм, либо загадочную болезнь. В условиях политэтничности и многоконфессиональности современных обществ и практики превращения всех даже самых мельчайших социальных групп в автономные субъекты социальной жизни – такое противоречие ведет к накоплению громадного объема взрывоопасного социального материала. В прошлые эпохи такие конфликты стихийно возникали, стихийно же и разрешались в течение достаточно длительного периода (например, путем геноцида или тотальной насильственной ассимиляции). Современный мир выработал небывалые ранее нормы и институты, ориентированные на обеспечение права на существование любой возможной картины мира и ее субъекта, но и небывалые средства насилия, манипулятивного воздействия, опосредованного принуждения и массового уничтожения.

Как глубоко отметил Ю. Хабермас, современная господствующая политическая картина

мира обогащается такими оксюморонами, как «гуманитарная бомбардировка», «гуманитарная интервенция».

Дискурс-анализ калейдоскопически мелькающих сегодня картин мира (повторим, как научных, так и вненаучных и антинаучных) эвристически продуктивно нацеливает нас на рассмотрение по крайней мере трех весьма актуальных аспектов этого явления – а) семиотического, б) институционально-прагматического и в) кратологического. А) Дискурс возможных картин мира интенсивно переозначивает семиотическое пространство современной культуры, радикально меняя как смыслы (старые и вводя новые), так и смысложизненные ориентации: для идеологического оправдания этой системы придумана теория о крушении в XX веке всех фундаментальных идеологий (гуманизма, коммунизма, христианства, либерализма). Б) Дискурс возможных картин мира стремительно обрастает разнообразными институциональными воплощениями: под эти картины создаются общественные фонды, исследовательские центры, составляются конвенции и заключаются международные договоры, прорабатываются различные санкции. В) Дискурс возможных картин мира обладает определенным властно-распорядительным ресурсом: как известно, даже научное сообщество, «исповедующее» ту или иную парадигму, выступает мощной силой, способной навязывать ее другим и длительное время сопротивляться новациям, проводя свое влияние через множество институтов – а тем более транснациональные корпорации, бизнес-сообщества, профессиональные организации.

Социально-философское знание явно находится в состоянии глубокого кризиса, заключающегося в утрате коренных смысло-жизненных ориентиров, которые бы направляли конструирующее сознание, т. е. сознание, конструирующее возможные модели мироздания. Однако складывается убеждение, что глубокий кризис переживают не фундаментальные ценности, а тот способ организации общественной жизни, который был навязан России определенной социальной группой в ее узкогрупповых своекорыстных интересах.